

Неизвестный Эрнст

17.4.2000

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ:

17 апреля 2000 - 17 апреля - с. 6.

ЖИЗНЬ ВНОСИТ ПОПРАВКИ В МЕЧТЫ ХУДОЖНИКА

Во вторник в Москве, на Ордынке, будет открыт памятник работы Эрнста Неизвестного. Это будет первый в столице памятник одного из самых знаменитых в нашем отечестве скульпторов, не считая памятника Хрущеву на Новодевичьем и рельефа в Зеленограде.

— Разрешите, Эрнст Иосифович, поздравить вас с 75-летием и открытием памятника в Москве. Расскажите, пожалуйста, о его идее, о том, кто его ставит и финансирует.

— Национальный институт корпоративной реформы решил создать некий монумент, символизирующий возрождение. Он будет стоять во дворе Морозовского особняка на Ордынке. Памятник символизирует несколько идей: продвижение капитала на Запад, возрождение отечественной промышленности и меценатства, что связано с семьей Морозовых. Которая, как вы знаете, покупала и западную живопись. Символично и то, что памятник заказан мне — русскому скульптору, жившему на Западе. Но кроме промышленного, индустриального, происходит еще и религиозное возрождение. Поэтому я выбрал образ Архангела Михаила. Это универсальная фигура — герой Ветхого и Нового Завета, его почитают и мусульмане. Это одна из ярчайших фигур мировой мифологии, он появляется всегда, когда опасность нависает над обществом и надо бороться со злом. Он с воинством ангелов отгоняет темные силы. Поэтому я решил, что камень для скульптуры должен быть привезен из Святой Земли. Мне кажется, это будет очень красиво, что в Москве будет камень из Палестины.

— Вы один из самых почитаемых героев постперестроечной публицистики. Много о вас и ваших грандиозных творческих замыслах писали и к вашему 70-летию. Расскажите, что произошло за последние пять лет. Удалось ли что-то из ваших мегапроектов воплотить?

— Последние годы я очень много работал. Все в основном было посвящено Древу жизни.

Это скромная работа — около 7 метров.

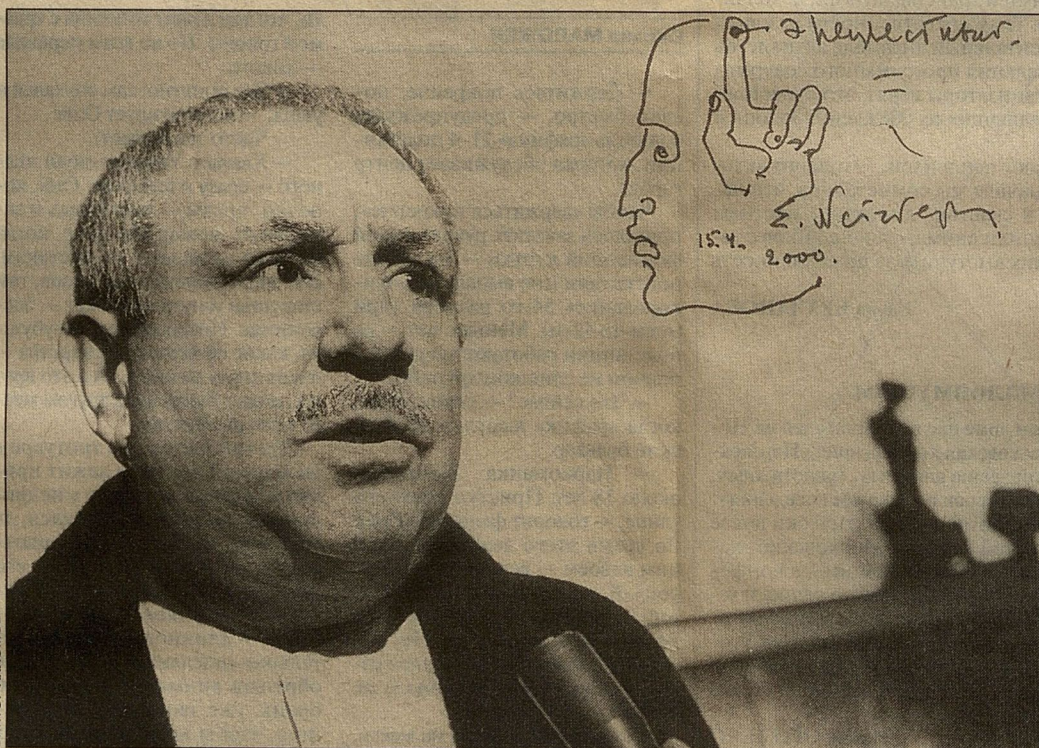
— Но над ней вы работали с 56-го года, и первоначальный замысел был грандиозен.

— Древо жизни было задумано огромным — 150-метровое здание-скульптура. Жизнь не дала мне такой возможности, ведь это все равно что Голливуд выстроить. Нужна была огромная поддержка государства, серьезных финансовых институций (когда-то Неизвестный называл сумму в 50 миллионов долларов как начальную. — О.К.). Было несколько предложений, но я ориентировался на Москву. Поскольку получил предложение от Лужкова. Вот этим я последние два года и занимался. Кроме того, я проиллюстрировал Книгу Экклезиаста — была выставка в Пушкинском, Книгу Иова — была выставка в Третьяковке. Я работал над серией «Пророки» — это графика. Была еще серия «Власть зверя» — небольшие скульптурки, изображающие различные сочетания животного, человеческого и машинного начал. На свои средства я отлил 28 скульптур — сделал свой Парк скульптуры. Но в основном я с утра до ночи работал над Древом жизни.

— Когда оно будет поставлено — и будет ли?

— У меня нет ответа. Вернее, есть ответ «да», но это ничего не значит. Я ведь сердит не на то, что Древо не хотят ставить, хотя это неправильно. Ведь обещали, и я отказался от других предложений, потратил на эту работу все свои деньги и к 75 годам оказался в очень сложном материальном положении. Мне много раз говорили, что завтра переводят деньги. И я их ждал, причем не за свою работу, а на производственные расходы, которые надо оплачивать.

— Вы с Лужковым говорили?



ВИКТОР АХЛОНОВ

— Я со всеми говорил, и от Лужкова получил слово. Я не хочу ссориться, я не злобный человек. Может быть, завтра решат ставить. Но все же мне хотелось бы знать, на каком я свете. Да, у меня был огромный замысел Древа жизни, ведь я наследник Татлина, Великой утопии, мне свойственна гигантомания, я поклонник монументальной скульптуры. Хотел построить чудо. Когда я передал Ельцину модель Древа жизни, которую он подарил ООН, Ельцин с удивлением спросил: «Эрнст, ну что же она такая маленькая?» Я говорю: «Борис Николаевич, семиметровая еще делается». Жизнь вносит поправки в мечты художника. Когда-то я мечтал, что ООН будет расположена в Древе жизни, а теперь маленькое Древо жизни вошло в ООН. И в этом есть какая-то жизненная справедливость. В общем,

это правильно. Но вот сейчас я надеюсь, что Лужков... Ведь это копеечные дела — найти спонсоров, отлить в бронзе и поставить — они больше пропевают.

Но не в этом дело. То, что не удалось мне создать эту огромную орясину, это хорошо. Потому что это, конечно, было бы новаторством, там электроника должна была быть, кино, синтез. Было бы новое явление мировой культуры. Но творчество — коллективное, один человек не мог бы этого сделать. А тут семиметровая модель, рукотворная вещь, где каждый носик сделан моими руками. Конечно, с нашим размахом, с Петром Первым, она может разочаровать. Столько разговоров, столько надежд — и вдруг маленькая вещь. Но в ней более 700 фигур: и ангелы, и святые, и космонавты — там есть что посмотреть.

— А где бы ее планировали поставить?

— Главный архитектор города нашел место прямо перед зданием СЭВа, то есть мэрии. Я был доволен, потому что когда-то, еще при Посохине, мне там не дали поставить скульптуру. Москва — кладбище моей скульптуры, я могу назвать пятнадцать мест, где должны были поставить и не поставили мои скульптуры. В Кремле должны были поставить еще студенческую работу «Федор Конь, строитель Кремля». Идея была Шепилова, но подсказана мной. Раз есть памятник князю Долгорукому, должен быть — и мужику. Как видите, идея не была реализована. У Фрунзенской академии должна была стоять моя студенческая работа «Крылья холопа», на выставке она даже Вучетича ошеломила — такой был героический социализм. И она не встала, была порушена топорами во время погрома в моей мастерской. Потом не дали сделать рельефы на фасаде нового МХАТа, хотя о них сохранились отзывы, что это равноценно музыке Прокофьева. Так что первая работа в Москве — для меня радость.

— Но такая судьба, когда много задумано, но мало реализовано, в традиции Татлина и героев Великой утопии.

— Это трагическая традиция и русского авангарда, и русской классики. Я когда-то выиграл конкурс на памятник Данте. Выиграл у всех: у Сальвадора Дали и Раушенберга, это был мировой конкурс. А в это время Ренато Гуттузо выставлялся в Пушкинском. Тот Гуттузо, который написал, что становится передо мной на колени и целует мои руки. Я спросил Демичева: «Я выиграл у Гуттузо, а не могу даже напечатать свою работу, почему?» На что Петр Нилыч, не смущаясь, сказал: «Он же иностранец!» Потом надо было давать взятки, их и тогда брали, но я не понимал, что их у меня требуют. Если бы понял, может, и дал.

— Вам, человеку умудренному, религиозному, не приходило на ум, что в этой невозможности реализовать задуманное есть какой-то смысл, провидение?

— Бессспорно, существует провидение, но нам дана и свобода воли. Иногда мне становится больно, что я не воспользовался правом быть толерантным, более мудрым для того, чтобы осуществить то, что мне предназначено. Но от судьбы не убежишь, как и от своего характера. Я очень часто ночью был Макиавелли, но утром ничего сделать не мог.

— Но остаться в идеях тоже неплохо.

— В каком-то смысле я счастливчик. Такие ранения перенес в войне, потом две клинические смерти, операция на сердце недавно была. Мне 75 лет, я весь в шрамах — душевных и физических, — но я сохранил желание жить и работоспособность. У меня прекрасная дочь, я дружу с ней и с моей бывшей женой, хотя уехал от них 20 лет назад.

Ольга КАБАНОВА